

Анат Гарари

**Рождение
бабушки**

КОГДА ДОЧКА СТАНОВИТСЯ МАМОЙ

Анат Гарари

**Рождение бабушки. Когда
дочка становится мамой**

«Когито-Центр»

2006

Гарари А.

Рождение бабушки. Когда дочка становится мамой / А. Гарари — «Когито-Центр», 2006

Что объединило Рут, Маргалит, Клодин, Анну и еще нескольких женщин в группу под названием «Превращения»? Ответ необычен: у некоторых из них есть дочь, которая ждет появления на свет своего первенца, другие – совсем недавно стали бабушками. Сложные отношения, которые складываются в эту пору между матерями и дочерьми; перемены, которые происходят в самих женщинах, вынуждают их обратиться за помощью. Так создается группа поддержки. Постепенно в течение двенадцати встреч открываются перед нами их истории – истории об утратах, удочерении, расставании, несостоявшемся аборте и о причинах, явных и скрытых, которые привели их в группу. Книга, написанная на основе бесед, которые автор проводила с женщинами-матерями молодых матерей, или тех, кто готовится стать матерью, дает нам возможность заглянуть в мир современной женщины в современной семье. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Элла и Нири	6
Элла	6
Нири	8
Встреча вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анат Гарари
Рождение бабушки. Когда
дочка становится мамой

© Anat Harari, 2006

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, 2012

Элла и Нири

Элла

Элла стояла у входной двери и рылась в сумке, пытаясь найти ключ, как вдруг раздался телефонный звонок.

– Какого черта я опять поменяла сумку? – пробурчала она, вытаскивая записную книжку и кошелек, чтобы облегчить задачу шарящим в бездонных глубинах пальцам.

– Элла, тебе помочь? Ты не можешь найти ключи? – услышала она знакомый голос.

– В этой сумке никогда ничего нельзя найти, – отозвалась Элла, не поднимая глаз и не поворачиваясь к Далье, соседке из квартиры напротив, – а тут еще телефон звонит.

Далья, растерянная от неожиданной встречи, заметила:

– Я слышала, что твоя Эйнав родила, – и замолкла, смутившись, словно мать, ребенок которой только что пролил какао на новое кресло соседей.

Элла замерла, чувствуя, как вопрос подруги, которая давно перестала быть подругой, проходит через все слои одежды и вливается прямо в сердце; но уже через мгновение продолжила поиски и, наконец-то, вытаскила ключ, который зацепился за красную расческу, лежавшую на дне бокового кармашка. Она, не задерживаясь, открыла дверь, еле слышно бросила «до свиданья» и вошла в квартиру, понимая, что от себя, как от Дальи, не спрячешься и что впереди еще один унылый, бесполезный вечер.

Вот уже несколько лет, как Элла избегает любой, даже мимолетной, встречи с Дальей, пытаясь уберечь себя от ее недоумевающего взгляда, никчемных расспросов, мучительных упреков и обоюдных обвинений.

«Она вечно взирала на нас с высоты своего семейного счастья, – думает Элла. – Она живет в мире, где царят порядок, надежность и покой: папа – мама – сын – дочка. Не то что моя жизнь: одни углы да выступы».

Дети Дальи старше ее Эйнав и давно оставили родительский дом, у каждого свои интересы, но при этом святость субботнего семейного ужина соблюдается беспрекословно. Еще сравнительно недавно каждую неделю Далья приглашала ее присоединиться к ним, и каждый раз она находила для себя какие-то неотложные дела или ссыалась на усталость, так что в конце концов ее оставили в покое.

«А может, мне все это показалось, – продолжает мысленный диалог сама с собой Элла, ополоснув усталое лицо и разглядывая себя в зеркале. – Может, нет в ее взгляде укора, а только сожаление и сочувствие, которые я не готова принять? Память о том дне, когда она оказалась со мной в больнице, на родах, и который связал нас, как мне казалось, на всю жизнь, растаяла. Да и вся моя жизнь растаяла, не оставив от меня той, прежней, и следа».

Ближе к вечеру Элла вышла на улицу подышать прохладой, навеванной морским бризом. Она и не заметила, как оказалась возле здания Дома матери и ребенка, мимо которого проходила сегодня уже дважды: по дороге на работу и с работы. Как обычно по вечерам, во дворе былолюдно и шумно.

«Может, и они сейчас здесь? Может, Эйнав заметит, что я ищу их, и окликнет, словно ничего не произошло: „Мам, привет! Что ты здесь делаешь?!“ – И я абсолютно спокойно отвечаю: „Да так, вышла прогуляться перед ужином“.

А она скажет мне: „Вот, мам, познакомься: это Ротэм, мы дружим; ее сын и наша Инбаль одного возраста... Инбаль, иди сюда, солнышко, поздоровайся с бабушкой!“

И я прижму ее к себе, мою малышку, и все будет так обыденно и просто...»

Элла входит во двор, всматривается в лица. Она ищет темные волосы, собранные на затылке в хвост, но вдруг пугается: а что, если Эйнав подстриглась? И вот она уже переключилась на короткие стрижки, изучает каре, рассматривает распущенные волосы. Теперь она сосредоточилась на глазах, выискивает черные миндалевидные... И опять страх – страх наткнуться на такой знакомый ей взгляд... Нет, лучше уйти!..

На выходе она задерживается у доски объявлений, где выделяется одно – напечатанное на бланке ярко-голубого цвета:

*Превращения
Дорогая мама!*

Если ваша дочь готовится стать матерью и вы хотите знать, что переживают другие в этот сложный период; если ваша дочь уже родила и вы только что стали бабушкой и хотите поделиться с другими вашими переживаниями, вы приглашаетесь принять участие в занятиях группы «Мамы мам».

Встречи будут проходить по вторникам с 20:00 до 21:30 в течение трех месяцев (12 недель). Первое занятие – 1-го июля.

Для участия в занятиях группы необходимо пройти собеседование.

Информация по телефону...

Нири Бар, психолог

– Мама мамы, – повторяет Элла вполголоса.

Невидимая рука как будто тянется к ней из объявления, зазывая ее. И Элла поддается, мысленно протягивает свою бледную руку и беззвучно проскальзывает на отведенное ей место. Она хочет быть частью этой группы, знает, что должна быть с ними, матерями-бабушками, которые встречаются, обсуждают новости, обмениваются впечатлениями, фотографиями, рецептами. Она еще раз перечитывает текст. Первое июля было позавчера, какая жалость! А ей так захотелось быть среди них, в их жизнерадостной компании, вновь стать частью того особого женского мира, о существовании которого она сама же и предпочла забыть.

«Я хочу быть мамой... хочу маму... до чего я докатилась?» Мысли путаются: кто она, мама, дочка?

Оторвав часть листка, где был написан номер телефона, Элла заспешила домой.

Нири

Нири испуганно шарит руками среди подушек, пытаясь как можно скорее найти телефон и «обезвредить» его прежде, чем он разбудит только что уснувшего Тома.

– Алло? – раздается из трубки неуверенный голос. – Я хотела бы поговорить с Нири.

– Да, я слушаю, – отвечает Нири. Что-то в этом незнакомом голосе заставляет ее произнести уже ставшую привычной фразу:

– Чем могу помочь?

– Помочь? – повторяет незнакомка со вздохом, но более свободно. – Не знаю. Меня зовут Элла, и я звоню по поводу группы.

– Группы? – на этот раз повторяет Нири, пытаясь по голосу угадать, к какой именно группе может относиться его хозяйка; и та поспешно добавляет:

– Я знаю, что первое занятие было позавчера, но я увидела объявление только сегодня. Я недавно стала бабушкой, как там и написано, и очень хотела бы присоединиться, мне это очень нужно...

Группа мам! Нири вспоминает уютную комнату на верхнем этаже Дома матери и ребенка, стены, окрашенные бледно-желтой и бледно-фиолетовой краской, и развешанные на них фотографии беременных женщин и младенцев, взволнованные лица женщин, сидящих кругом, их изучающие взгляды. Она ощущает румянец, который обычно покрывает ее щеки в минуты волнения, пока она ждет подходящего момента для начала беседы. Затем все идет гладко: каждая по очереди рассказывает о себе, как обычно на первой встрече, кратко и довольно скованно.

– Меня сюда записала моя дочка, – первой представилась Маргалит, смеясь и привстав со стула. Анна же взглянула с улыбкой на Рут и провозгласила:

– Она затащила меня сюда.

А Рут, рассмеявшись, ответила:

– Ты еще скажешь мне за это спасибо!

Одна за одной они говорили о том, что привело их в группу, повторяя уже сказанное однажды две недели тому назад на собеседовании, – любопытство, желание поделиться, внутренний голос, который заставил позвонить.

– Я вас очень прошу, давайте встретимся. Я вам все расскажу, – не отступает Элла.

Что-то подсказывает Нири, что эта женщина отличается от всех остальных матерей в группе; она чувствует к ней какую-то особую, еще не объяснимую симпатию, даже близость.

– Элла, – начинает она, мысленно анализируя происходящее. Уже не раз она убеждалась, что иногда можно и даже нужно принимать решения, опираясь на интуицию, обходя правила и выходя за общепринятые рамки. Но пойти на это не так-то легко. – Я не знаю, что вам сказать, ведь мы уже начали. И как обычно, после первой встречи запись прекращается. Думаю, мы откроем еще одну группу, вам стоит подождать.

– Да, но тогда я уже не буду «ставшей только что бабушкой»! – настаивает Элла. – Мне очень важно участвовать в этой группе. Я хочу слушать, сопереживать, делиться!

Она как будто цитирует текст объявления, и Нири уже не сомневается в правильности того, что через секунду услышит от нее Элла:

– Ладно, раз уж вы так просите! И кроме того, одна из записавшихся передумала в последний момент. Приходите во вторник ровно к восьми.

– Спасибо! – взволнованно благодарит Элла и добавляет, сама удивляясь своей смелости: – Я хотела бы вас спросить, сколько вам лет? То есть, у вас тоже есть внуки? Просто у вас очень молодой голос, примерно как у моей дочки. Так я подумала, как вам пришла в голову идея открыть такую группу? И тут же испугалась, что вот она опять разрушает только что сложившиеся, еще такие ранимые отношения.

– Нет, до бабушки мне еще далеко, но я уже мама, – смеясь, отвечает Нири.

Когда разговор заходит о родах, Нири всегда вспоминает о трех. Сама она рожала дважды, но были и еще одни, третьи роды, которые она видела восьмилетней девочкой и запомнила до мельчайших подробностей. Тетя Ханна стояла между широко раздвинутыми ногами роженицы в зале с кроватями, отделенными друг от друга бледно-розовыми матерчатыми перегородками. Нири стояла сбоку и не сводила глаз с младенца, которого только что извлекли из невидимого ей влажного пространства оголенные выше локтей руки акушерки. Мама в тот день очень сердилась и говорила, что родильное отделение – это не место для детей и что еще неизвестно, как все эти крики и вопли повлияют на нее в будущем. Но мама зря волновалась: вместо страха появилось чувство причастности, желание поддержать, утешить и успокоить.

Нири не возвращалась к этой истории до того самого воскресного утра, когда проводила свою подругу Шир до родильного зала и вместе с ее мамой и сестрой простояла несколько часов, прислушиваясь к происходящему за окрашенной в серый цвет автоматической дверью. Наконец-то раздался плач новорожденного, и группка женщин, объединенная общим напряжением, с облегчением начала распадаться, расползаться по углам, растроганно вздыхая и всхлипывая в сотовые телефоны. Все, кроме одной: мама Шир осталась стоять, нервно обнимая себя за плечи (Нири тогда подумала, что она в буквальном смысле держит себя в руках), и по-прежнему не сводила глаз с дверей до тех пор, пока вышедшая акушерка объявила, что Шир переводят в комнату, а это значило, что все в порядке. Этот эпизод неожиданно всплыл в памяти Нири, когда она сама была беременна, он как бы предупреждал о том, что ждет ее впереди.

Узнав о своей беременности, Нири не бросилась немедленно звонить маме. Правда, эта сознательная задержка длилась всего лишь пару часов, но этого оказалось достаточно, чтобы провести между ними границу тем мысленным карандашом, которым она отделила от всех ее саму, Оферу и невидимый плод, очертив свою новую семью. Позже она поняла, что это было начало новых, очень непростых отношений.

Все последующие месяцы Нири провела в бескомпромиссной борьбе со своей мамой. Каждая их встреча превращалась в поединок: Нири сердилась, высказывала упреки и требования, рыдая оттого, что ее не понимают.

– Объясни, чего ты от меня хочешь! – в отчаянии просила мама, и Нири, сознавая, что у нее нет ответа, в бессилии хлопала дверью или бросала трубку, исчезая на несколько дней до следующей ссоры. Она горько жаловалась подругам, что мама ее разочаровала, что устала от бесконечных пререканий, но при этом продолжала испытывать ее, считая, что хорошая мать не нуждается в подсказках; и вновь обижалась.

– Да, я хочу, чтобы она меня баловала, пока это еще возможно! – как-то сказала она Оферу, привлекая его на свою сторону. – Чтобы покупала мне подарки, книги, чтобы ее по-прежнему волновала я, а не только моя беременность.

Намного позже, вспоминая это время, она поняла, что всего лишь навсего, хотела опять ощутить себя маленькой девочкой, беззаботной и обласканной, рядом с мамой, готовой ради нее на все.

Не только для Нири, но и для ее мамы это была нелегкая пора, когда переполнявшие ее, иногда противоречивые чувства мешали сосредоточиться днем и не давали уснуть по ночам. Постепенно все наладилось. Интуитивно, сама того не замечая, мама отошла на второй план, воздерживаясь от советов и категоричных замечаний, вынуждая Нири полагаться на Оферу и заставляя ее поверить в себя.

На девятом месяце возникло подозрение на инфекцию, и Нири срочно направили в больницу. Там, в приемном покое, между тонкими матерчатыми перегородками она вслушивалась в напряженные голоса, всматривалась во взволнованные лица, пытаясь разгадать по выражению глаз, что испытывает мать, когда она не просто рядом с дочерью, а вся как будто растворилась, слилась с ней, оставив за собой одно-единственное право и одну-единственную обязанность – быть матерью. Вот тогда-то вдруг и всплыл в памяти силуэт мамы Шир, не сводящей глаз с дверей родильного зала; и Нири поняла, что момент родов – это вершина того пути, который проходят мать и дочь – обе вместе и каждая по-отдельности.

Вернувшись домой с малышкой на руках, Нири все еще оставалась во власти пережитого ею потрясения. Как солдат после боя, она пыталась восстановить детали, возможно, ускользнувшие от нее в минуты боли и величайшего напряжения. Она приставала с расспросами к Оферу, выпрашивала тех, кто провел эти часы возле двери родильного зала, но они довольно быстро отказались от «дачи показаний» в проводимом ею «следствии». Единственная, кто осталась ее верной собеседницей, была мама, готовая вновь и вновь рассказывать, как стояла у дверей и слышала стоны, а затем раздался такой долгожданный и все равно неожиданный плач, возвестивший о рождении Тamar. И с каким неопишным, ни с чем не сравнимым чувством облегчения и радости она сообщила всем: «Я бабушка!» Слушая это уже в который раз, Нири с жадностью впитывала каждое слово, согреваясь от маминой любви и тревоги и поражаясь, насколько переплетены их с мамой жизни и чувства.

После родов их отношения вновь изменились: теперь они разместились на семейном древе одна под другой: бабушка – мама – дочь, питая и дополняя друг друга, – еще один цветок в соцветии поколений. После нескольких месяцев переходного периода, можно сказать, периода созревания каждой из них появилось новое ощущение – ощущение единства, результатом которого стал новый союз, новая связь между мамой и дочкой, которая и сама теперь мама. И еще одно чувство испытала Нири – чувство вины перед мамой, оказавшейся невольной жертвой болезненного процесса ее, Нири, взросления. А затем у нее возник вопрос, был ли путь, который они прошли, неизбежным, предписанным свыше и единым для всех, или каждая мать и дочь строят свои взаимоотношения по отдельному, отличному от всех остальных сценарию.

И вот Нири создала для себя «салон» и сидит в кругу матерей – иногда как дочь, а иногда как мать.

Встреча вторая

Родовые схватки

Перила лестницы, ведущей на последний этаж Дома матери и ребенка, были окрашены в белый цвет и приятно холодили ладонь.

– Только бы не быть первой, – думала Элла, поднимаясь по лестнице.

– Терпеть не могу опаздывать, – повторяла она в уме заранее заготовленную фразу, которую произносила уже не раз, преодолевая смущение оттого, что пришла раньше назначенного времени.

Но, поднявшись, она с облегчением обнаружила, что на этот раз ей не придется оправдываться: в коридоре у окна, напротив единственных раскрытых дверей стояла высокая черноволосая женщина, одетая – явно не по сезону – в жакет оливкового цвета, короткую облегающую юбку и высокие черные сапоги. Она говорила низким, скрипучим от курения голосом, прижимая к уху крохотный серебристый телефон и энергично жестикулируя второй, свободной рукой. Элле даже показалось, что она уловила несколько знакомых имен, связанных с телевидением.

– Я на это не пойду, так ему и передай, и нечего меня пугать. И вообще, скажи, что не стоит ему связываться с Мики! – резко закончила она и бросила телефон в большую кожаную сумку, лежавшую возле нее на полу.

Не обращая внимания на Эллу, все еще стоявшую на лестничной клетке, она вошла в комнату и тут же принялась готовить себе кофе.

Элла неслышно последовала за ней. У нее была осторожная походка, как у человека, который, сломав ногу, только что освободился от гипса и вот теперь заново учится ходить: неуверенно ставит ногу на пол, сомневаясь в ее надежности. Тускло-карие опущенные глаза придавали ее лицу извиняющееся или, возможно, настороженное выражение. Перед выходом Элла перебрала несколько вариантов одежды и наконец остановилась на светло-голубом платье, которое делало ее выше и несколько скрадывало угловатые формы ее худощавой фигуры, а также на зеленоватой шали, с которой почти никогда не расставалась. Войдя в комнату, она на миг почувствовала себя маленькой девочкой, случайно заглянувшей в залу, где в кругу приятельниц сидела за чаем мать ее подружки Оры.

В углу комнаты возле кофейного автомата спиной к дверям стояли несколько женщин и тихо переговаривались, отпивая из одноразовых стаканов.

– Жаль, что тут нет ничего сладенького, – произнесла полная коротко остриженная рыжеволосая женщина, руки и шея которой были усыпаны веснушками. Она была одета в белое платье, которое странным образом придавало ее крупной фигуре неожиданную легкость.

– Очень мне захотелось чего-нибудь вкусенького, – пояснила она, обращаясь к обладательнице темной курчавой копны волос, которая стояла возле нее и улыбалась, как улыбаются друг другу только давно знакомые люди.

– Да, Рут, а потом будешь мне плакаться, что опять располнела, – проговорила хозяйка кудрей и отошла, чтобы приготовить себе черный кофе. На ней были светлые джинсы и мужского покроя расстегнутая рубашка, из-под которой виднелась красная майка. Элла подумала, что они выглядят, как две противоположности: одна светлая, другая – цвета шоколада; первая – маленькая и кругленькая, вторая – высокая и худая.

– Ах, Анна, Анна, тебе-то хорошо: ты никогда не толстеешь, – вздохнула в ответ рыженькая и направилась к расставленным по кругу стульям.

– Может, и вправду надо в следующий раз принести чего-нибудь съестного? – присоединилась к ним милостивая полноватая женщина в красной шляпке, которая подходила по цвету

к большой сумке, висящей у нее на плече. – Я бы тоже не отказалась от сладкого. Меня зовут Маргалит, – добавила она, улыбаясь. Голубые глаза и улыбка придавали ее лицу наивное детское выражение.

Элла заметила, как Маргалит, вынув из рукава бумажную салфетку, вытерла руку, на которую пролилось несколько капель кофе, и второй раз за те несколько минут, что она находится в комнате, вернулась в детство: именно так, в рукав, прятала носовой платок ее бабушка Рахель.

Заранее расставленные, обитые фиолетовой тканью стулья образовывали замкнутый круг в центре комнаты. На одном из стульев лицом к распахнутой двери сидела седая стриженная под мальчика женщина, одетая в бежевые льняные брюки и белую блузку. Она поправила золотистый поясok на брюках и тщательно разгладила складки. Даже глядя на нее сидящую, было ясно, что она здесь самая высокая. Еще одна женщина, с короткими красновато-коричневыми волосами и крепкой широкой фигурой, приблизилась к кругу. На ней были разноцветные шаровары и черная трикотажная футболка, а руки были заняты простыми полиэтиленовыми пакетами, которые она неуклюже положила на пол, чтобы пододвинуть к себе стул. Большая пестрая сумка соскользнула у нее с плеча и задела рядом сидящую женщину, которая вздрогнула от неожиданности и резко отодвинулась.

– Извините! – сконфузилась владелица сумки. – Я случайно, простите, ради бога!

Пострадавшая сухо кивнула:

– Ничего страшного.

– Меня зовут Орна, – представилась хозяйка сумки, пытаясь загладить неловкость. – Напомните мне ваше имя?

– Това, – коротко ответила ей соседка и отвернулась в сторону низкой полноватой женщины в белой юбке и широкой красной блузке, которая только что заняла свое место в кругу и громко поздоровалась со всеми. Элла обернулась на этот громкий приветливый голос и отметила про себя черные волосы, собранные на затылке, и многочисленные золотые браслеты на правой руке, которые слегка позванивали при движении. Глядя на нее, Элла вдруг повеселела.

– Я – Клодин, – продолжила женщина. – Ну и денек был у меня сегодня! На шоссе Тель-Авив – Беер-Шева была авария, и его перекрыли на целый час. Из-за этого я не успела встретиться с дочкой – мы собирались вместе пообедать. Я, конечно, встречу с ней позже, но все равно жаль.

Она заметила стоящий в углу кофейный автомат и поднялась со стула, направляясь к нему:

– Есть желающие пить? Лично я хочу кофе.

Орна и Това, поблагодарив, отказались.

Элла по-прежнему стояла в стороне, все еще решая, к какой из групп примкнуть, когда почувствовала на себе чей-то взгляд, и, обернувшись, почти столкнулась с улыбающейся зеленоглазой молодой женщиной.

– Вы, наверное, Элла?

Элла тут же узнала ее голос.

– А вы, конечно, Нири, – улыбнулась она с облегчением. Перед ней стояла обаятельная шатенка; густые выющиеся волосы придавали ей чуть наивный, почти юношеский вид, который естественно сочетался со звонким энергичным голосом.

– Рада вас видеть, – несмотря на молодой возраст, Нири вела себя очень уверенно. – Займите себе место в кругу, мы начинаем.

Нири отошла от Эллы и, подойдя к женщинам, которые все еще стояли у автомата, молча, слегка касаясь, будто обнимая за плечи каждую из них, взглядом указала на свободные стулья, приглашая их переместиться в центр комнаты.

Элла все еще стояла вне круга, хотя незанятыми остались всего-лишь два стула. Женщина в красной шляпке не спеша подошла к одному из них и, осторожно отпивая из одноразового стакана, указала ей глазами на соседний. Элла ответила ей еле заметной улыбкой и села на краешек стула, нервно теребя бахрому легкой шали, которую она набросила на плечи, несмотря на душный июльский вечер.

– Еще раз добрый вечер, – вступает Нири, обводя всех взглядом. – Итак, мы опять вместе – теперь уже на второй встрече группы «Мамы мам». Обратите внимание, каждая из вас заняла то же самое место, на котором сидела в прошлый раз.

И она делает короткую паузу, давая возможность присутствующим убедиться в справедливости ее наблюдения.

– На прошлой неделе мы познакомились друг с другом и начали строить нашу группу. Сегодня к нам присоединяется еще одна участница.

Нири обращается к Элле:

– Сейчас вы сможете представиться. Элла увидела объявление слишком поздно, – продолжает Нири, – и хотя это против общепринятых правил, я уступила ее просьбе примкнуть к группе. Но теперь, все: «Двери закрываются». Ну что ж, Элла, давайте знакомиться!

Элла скрещивает руки, будто сама себя обнимает, подается несколько вперед, и произносит тихим голосом:

– Мне неудобно, что я так... вроде как напросилась. Нири мне рассказала вкратце о группе, и вот я здесь... Спасибо! Я не особо представляю, о чем вы говорили в прошлый раз, – она сконфуженно ерзает на стуле, пытаясь устроиться поудобней.

– Может, расскажете немного о себе, как и почему вы попали к нам, чем вы занимаетесь? – подсказывает Нири.

– А-а, извините, – поспешно продолжает Элла. – Меня зовут Элла, мне сорок девять лет, и у меня есть двадцатисемилетняя дочь Эйнав.

Нири ободряюще улыбается, и Элла замечает у нее маленькую ямочку, которая образуется почему-то только на правой щеке.

– Я – секретарь в медицинской клинике, живу в Тель-Авиве, недалеко отсюда; здесь же и родилась, я имею в виду в Тель-Авиве. На прошлой неделе, возвращаясь с работы, наткнулась на ваше объявление, позвонила Нири, мы поговорили.

Она явно чувствует себя неуютно под изучающими взглядами мам, опять старается поудобнее устроиться на стуле, заново поправляет шаль.

Все молчат, паузу нарушает Нири:

– Очень непросто присоединиться к группе с опозданием, да и, вообще, начало новой встречи, хоть и второй, – дело нелегкое. Элла сказала, что не знает, о чем вы говорили на прошлой встрече; я думаю, что нам всем не помешает слегка вернуться назад. Я предлагаю вам еще раз коротко представиться, а заодно и рассказать, что вам запомнилось от нашей предыдущей встречи и что вы чувствуете здесь сейчас.

В комнате тишина. Наконец, примерно через минуту, раздается приятный мелодичный голос:

– Будем знакомы, Элла, я – Маргалит, – говорит женщина в красной шляпке. – Я – социальный работник из Реховота, мне пятьдесят один год. Я замужем и мать четверых детей, а также бабушка одномесячного внука.

Она допивает содержимое стакана и ставит его на пол возле себя.

– На прошлой неделе я много думала о нашей группе.

Маргалит смотрит на Нири.

– Само занятие мне показалось очень коротким. Я помню, что каждая из нас представилась, коротко рассказала о себе, и – все. Обстановка была очень приятная, я с нетерпением

ждала сегодняшней встречи, – заканчивает Маргалит, облокотившись на спинку стула, и с выжиданием смотрит на свою соседку слева.

– Я – Това, – принимает та немой вызов и продолжает в темпе радиорепортажа: – Шестидесять лет, мать троих, врач-окулист, живу в Тель-Авиве.

Това поворачивается влево, поддерживая новый порядок – передавать слово соседке по кругу.

– Я – Орна, замужем и мать сына и дочки; еще не бабушка, но скоро буду. Я библиотекарь в Тель-Авивском университете, живу в пригороде, – Орна пожимает плечами, взвешивая, что еще она может добавить. – Я пришла сюда с удовольствием, хотя и безумно устала.

Она прикрывает рот рукой, скрывая зевок; и Элла, которая сидит рядом с ней, а значит, пришла ее очередь говорить, кашлянув в кулак, коротко произносит тихим голосом:

– Элла.

– Добрый вечер всем, я – Клодин, – раздается громкий, еще более энергичный на фоне предыдущего, еле различимого, голос любительницы браслетов. – Мне сорок пять лет, я мать семерых детей и, к великому сожалению, вдова. Живу в Сдерот, но по вторникам всегда приезжаю к моей дочке Лиат, которая живет здесь, в Тель-Авиве. Я не работаю, мне достаточно работы дома, – смеется она, забавно шуря глаза. – Я тоже еще не бабушка, но жду не дождусь рождения внука. Главное, чтобы был здоров!

Клодин целует сложенные щепоткой кончики пальцев и стучит по ножке стула. Сидящая по соседству Нири перенимает эстафету:

– Я – Нири, – представляется она, – замужем и мать двоих детей – девочки и мальчика. Мне тридцать пять лет, и я психолог, живу в Тель-Авиве. Я тоже с нетерпением ждала сегодняшней встречи. Прошное занятие пролетело для меня как один миг, и мне очень любопытно, что же будет сегодня.

Она скрещивает руки на груди и вопросительно смотрит на Мики, сидящую слева от нее, которая не заставляет себя ждать и подхватывает громким голосом:

– Я – Мики, пятидесяти двух лет, редактор на телевидении, на втором канале. Замужем, есть сын и дочь, живу на севере Тель-Авива.

Она замолкает, но вдруг, вспомнив, добавляет:

– И, конечно, у меня есть чудный внук. Ему полтора месяца. Между прочим, у меня на телефоне есть его фотография, – она протягивает аппарат Нири, – можете передать по кругу, пусть все посмотрят.

Женщины с любопытством и умилением всматриваются в крошечный экран, передавая телефон из рук в руки.

– Ой, какой сладкий! Так и хочется погладить его пухленькие щечки, – говорит темненькая из двух подружек, когда аппарат, сделав полный круг, оказывается у нее.

– Я – Анна, – представляется она, возвращая аппарат сидящей справа Мики.

Элла с удивлением замечает у нее серебряное кольцо на одном из пальцев ноги. – По мнению врачей, моя дочь Наама должна родить за день до моего пятидесятилетия. Кроме Наамы, у меня еще трое детей и муж. По специальности я архитектор и живу тут недалеко, в Кирият-Оно. Мне тоже показалось, что наша первая встреча прошла как-то уж слишком быстро.

Она смотрит на подругу, которая осталась последней.

– Мне нечего больше добавить, – завершает Анна, разводя руками, как будто извиняясь.

– Ничего страшного, – отвечает ей подруга. Элла отмечает про себя, какой у нее приятный мелодичный голос. – Меня зовут Рут, мать троих детей и бабушка двухмесячного внука. Я занимаюсь альтернативной медициной, в частности, кристаллами, и, кроме того, преподаю йогу. Вся жизнь прожила в Иерусалиме. Мне пятьдесят семь лет. Я помню, что на прошлом занятии каждая из нас рассказала коротко о своей дочке, а затем Нири раздала нам листы бумаги, на которых мы должны были что-то написать, но я не запомнила – что.

Она машинально поглаживает большой зеленый камень на кольце, а Мики спешит дополнить:

– Я помню: Нири просила, чтобы каждая из нас написала, какие ассоциации у нее возникают, когда она думает о родах ее дочки.

Рут согласно кивает головой.

Нири смотрит на Элли и поясняет:

– После этого я собрала все записки. Сейчас они хранятся у меня, и я принесу их на одну из последующих встреч. Будет хорошо, если вы сегодня чуть-чуть задержитесь и тоже напишете пару слов.

Нири продолжает, обращаясь к группе:

– На прошлой встрече мы определили цель нашей группы: пройти вместе, делаясь и сопереживая, этот непростой период в вашей жизни; а также установили некоторые общие правила: не опаздывать, отключать телефоны и, естественно, все, что говорится здесь, в группе, не подлежит распространению. Она замолкает, мамы молча кивают, а Элла произносит:

– Да, конечно.

Пауза затягивается, напряженная тишина удручающе действует на Элли, но тут раздается взволнованный голос Клодин:

– Я должна вам кое-что рассказать. В четверг я и Лиат, моя дочка, были на свадьбе ее самой близкой подруги, которую я знаю, можно сказать, с рождения. Они выросли вместе, она была у нас как у себя дома. Естественно, я была очень рада за нее. Лиат уже на седьмом месяце, и невеста у всех на глазах благословила ее и малыша.

Клодин замолкает, пытаясь справиться с волнением.

– Хотя я и была к этому готова, потому что это очень красивая традиция, и у Лиат в день свадьбы тоже был заготовлен целый список, но когда я увидела, как ее подруга кладет ей руку на голову и все как-то по-особому смотрят на них и на меня, я так разволновалась, что еле удержалась от слез, – глаза Клодин влажнеют, и она оттирает их ладонью. – Это было очень трогательно: и потому, что говорят, что благословение невесты имеет особую ценность, и потому, что я вдруг поняла – это уже совсем скоро, вот-вот.

Клодин больше не в состоянии удержать слезы.

И опять наступает тишина. Това, скрестив ноги и поджав их под стул, смущенно опустила глаза, рассматривая что-то на полу; Анна сконфуженно переводит взгляд на Рут. Все молчат.

Выпрямившись на стуле, Нири обращается к группе:

– Прошло всего лишь десять минут с начала встречи, мы еще, можно сказать, не закончили разминку, – улыбается она, – как Клодин без всякого предупреждения делает первый шаг и делится с нами настолько глубокими переживаниями, что не может удержаться от слез. Я думаю, что есть события, как, например, эта свадьба, к которым сколько ни готовься, все равно они застают тебя врасплох. Глядя на вас, я думаю, что это именно то, что произошло сейчас с нами: возможно, еще не время для откровенной беседы – мы еще недостаточно знакомы.

Мамы облегченно переглядываются – все, кроме Клодин. Она себя чувствует очень неудобно:

– Ой, извините, я не предполагала...

Маргалит поспешно прерывает ее, стараясь исправить неловкость:

– Не надо извиняться. По-видимому, мы действительно не были готовы к слезам, во всяком случае, я. И это притом, что мне, социальному работнику, не привыкать к беседам с людьми на очень личные темы, и я, конечно, представляла себе, что мы не раз коснемся болезненных интимных переживаний. Все равно вначале все чувствуют себя скованно, избегают слишком откровенных разговоров.

– Мне, правда, очень неудобно. Если бы я знала, что вот так вот расплачусь, я ни за что не решилась бы заговорить, – продолжает оправдываться Клодин. – Даже на свадьбе я не плакала, а сейчас вдруг расчувствовалась, сама не знаю, почему.

Она растерянно пожимает плечами.

– Ну так что, это уже совсем близко? – с улыбкой обращается к ней Рут. – Я вспоминаю, как присутствовала на обрезании внука моей лучшей подруги ровно за две недели до того, как родился мой внук, то есть Талья, моя дочка, была на девятом месяце. И вдруг я почувствовала, что в этом жестоком, как мне всегда казалось, ритуале есть что-то завораживающее, сверхъестественное, я не могу определить это словами, но что-то очень-очень важное...

– Точно! – перебивает ее Мики. – Этот обряд как-то по-особому действует на всех, возможно, своей особой энергетикой.

Рут бросает на нее нетерпеливый взгляд и продолжает:

– Застолье меня не волнует – люди приходят, едят и уходят, но сам религиозный обряд вдруг наполнился для меня смыслом, я даже прислушивалась к словам молитвы, чего раньше со мной не случалось. Я, как обычно, пришла с опозданием, уже в середине службы, и это... Я не могу объяснить, – она обращается к Клодин, – меня никогда раньше это так не трогало. Ее сына я помню еще у нее в животе, я помню, как его принесли из больницы. И вдруг, подумать только, он уже отец! Я почувствовала... возможно, это была подготовка к тому, что меня ждет буквально через пару недель. Сейчас мне легко об этом говорить, потому что Талья уже родила, все уже позади, и я знаю, что все в порядке, но тогда это меня потрясло. Мики еле заметно покачивает головой в знак согласия и вступает сразу, как только замолкает Рут:

– Я думаю, что тоже испытала подобное чувство близко к концу срока. Как-то на улице я встретила мою знакомую по работе, и вдруг она, подкальвая, спрашивает: «Ну, как себя чувствует будущая бабушка?» – Я хочу вам сказать, – она неожиданно повышает голос, – что в этот миг я почувствовала, будто это я сама беременна. В голову полезли разные мысли, я не могла их остановить. Я думала о том, что меня ждет... совсем скоро... это приближается. Я просто чувствовала, как будто я сама вот-вот рожу! С того момента и днем и ночью я непрерывно думала о родах. Правда, это произошло в самом конце ее беременности, и дочка ни о чем не догадывалась, но сама я жутко волновалась и боялась.

Клодин, еще более волнуясь оттого, что ее все-таки понимают и поддерживают, обращается к Мики:

– Да, я думаю, именно в этом все дело: я вдруг испугалась. С одной стороны, это здорово, что роды уже совсем близко и все ждут с нетерпением и поздравляют, а с другой – я испытываю жуткий страх и ни о чем другом думать просто не могу.

Она с трудом сдерживает слезы.

Маргалит вынимает из рукава неожиданно скоро понадобившуюся ей салфетку, а вторую – из сумки – поспешно протягивает Клодин:

– Вы меня заразили! – смеется она, вытирая глаза.

Нири обводит взглядом группу и произносит:

– Чем ближе назначенный день, тем тревожнее становится на душе.

– Да, это так, – соглашается Това. – И я тоже вдруг начала очень волноваться. Позавчера (или за день до этого) я даже приняла снотворное: какие-то жуткие мысли не давали мне заснуть, и я испугалась, что завтра не смогу работать.

– Какие такие мысли? – переспрашивает Нири.

– Какие мысли? – Това старательно разглаживает складки на брюках. – Я даже толком не могу сказать, чего именно я боюсь! Я перебираю в голове все, что только может с ней случиться. И вот что странно: почему меня так пугает то, что я сама прошла совершенно спокойно и естественно? Я уверена, что боюсь этих родов больше, чем моя дочка Ширли. Я пытаюсь рассуждать логично; я говорю себе, что это самый что ни на есть естественный процесс.

Правда, случаются несчастные случаи, и, конечно, они запоминаются. Я стараюсь об этом не думать, но у меня не получается. Может, не совсем правильно называть это страхом, скорее, это беспокойные мысли, от которых я не в состоянии избавиться.

– Со мной это обычно случается ночью, – тяжело вздыхает Орна. – Самое лучшее время для размышлений! А так как я по характеру пессимистка, то я себе представляю в подробностях, что будет, если, не дай бог... Ну, в общем, ты слышишь о разных случаях и видишь детей с различными дефектами... Когда меня одолевают подобные мысли, я говорю себе, что все будет хорошо, и заставляю себя думать о подругах, у которых есть дети и внуки, и все у них в полном порядке. Понятно, что я никому не рассказываю о моих переживаниях: ни мужу, ни, естественно, дочке. Зачем их волновать?!

– Значит, вы все переживаете внутри, – поддерживает ее Нири.

– Все! Потому что, если что-то, не дай бог, должно случиться, оно произойдет независимо от того, думала ли я об этом или нет! Они делают все, чтобы избежать этого – все анализы, проверки. Так к чему еще прибавлять переживаний?! Яэль и сама боится и, естественно, обращается ко мне за поддержкой, ждет от меня, чтобы я ее успокоила. От этого мне еще тяжелее. Страх – он постоянный напарник радости и ожидания! Рут кладет ногу на ногу и вступает в разговор спокойным негромким голосом:

– Мне тоже очень знакомо то, о чем вы все говорите. К примеру, Талья водила машину, даже когда была уже на девятом месяце. Пару раз я пробовала ей сказать, что, может, не стоит, что есть автобус. Но в ответ получила «Мама!» таким тоном, что заткнулась на месте. Я себе представляла, как у нее за рулем начинаются схватки или как кто-нибудь врежется в нее сзади, и от удара о руль у нее лопаются живот. И еще, знаете, что мне очень мешало в конце ее беременности? Что наша жизнь стала очень беспокойной. Я не имею в виду только безопасность на дорогах, но и все, что окружает нас: нигде нет покоя, все бегом, наскоком; в глазах пестрит от красного, желтого. Если бы я только могла огородить ее от всего этого! Я все время волновалась за нее, словно она опять маленькая девочка и я наблюдаю за ней из окна в то время, как она перебегает дорогу. Она, естественно, и слышать ни о чем не хотела, а я находилась в постоянной тревоге, пока она наконец-то родила. Рут, улыбаясь, обводит взглядом всю группу:

– Все в этой жизни проходит, я вас уверяю!

– И только живот остается, – со смехом добавляет Клодин. В ответ раздается дружный смех.

Нири облегченно улыбается и обращается к мамам, которые явно чувствуют себя намного свободней:

– Конечно, вы сознаете, что рано или поздно этому придет конец, но покамест вас одолевают беспокойные мысли, с которыми вы зачастую остаетесь один на один. В данный момент кажется, что вы чуть-чуть приоткрыли клапаны, чтобы выпустить пар из котла, и то, что выходит сейчас из котла, это, в первую очередь, страх перед «медицинскими опасностями», связанными с беременностью и родами – что будет с дочкой, что будет с младенцем. Естественно, что тем, у кого это уже позади, говорить об этом намного легче. Она смотрит на Рут, и та, соглашаясь, молча кивает ей в ответ.

– Не знаю, как это будет у моей дочки, – говорит Клодин, поглаживая браслеты на запястье, – но я рожала очень легко. Лиат, моя дочка, расспрашивает всех женщин в нашей семье о том, какими были их роды. Всех, кроме меня, – со мной она на эту тему почти не говорит. Странно, ведь я рожала шесть раз, часть из родов она, наверное, помнит, ведь она – старшая. Но, по-моему, невозможно по-настоящему подготовиться к родам и невозможно заранее знать, как это будет. И что интересно, я как будто заразилась от нее и вдруг начала расспрашивать мою маму. Никогда раньше со мной такого не было. Оказывается, мой отец не был с ней ни на одних родах, он работал. Я удивилась и спросила, не было ли ей тяжело находиться там одной, а она ответила, что в те времена на роды никого не пускали, да никто и не просил:

это не было принято. Я бы... Если бы мой муж не был со мной на всех родах, не знаю, как бы я справилась, но мы другое поколение. Роды – это... Это не похоже ни на что! Нет! Каждый раз, когда я рожала, я думала, как это может быть, что из моего живота вдруг вылезает ребенок? И в следующий раз это по-прежнему оставалось для меня тайной! Сегодня все иначе: есть УЗИ, и можно видеть, как плод развивается из месяца в месяц, и все-таки для меня это загадка!

Она повышает голос:

– По-моему, это настоящее чудо!

Клодин тяжело вздыхает и продолжает еле слышно, дрожащим от слез голосом:

– В последнее время я беспрерывно думаю о родах. Моего мужа уже нет: он умер год назад, вернее, погиб в аварии по дороге домой.

Женщины смотрят на нее с сочувствием, но на этот раз ее слезы уже никого не смущают. Элла, сидящая возле Клодин, осторожно дотрагивается до ее плеча, в то время как Нири тихо обращается к ней:

– И вы говорите себе, что должны быть там ради дочки, но спрашиваете себя, а кто же будет там ради вас?

Клодин утвердительно кивает головой.

– И вообще, на меня вдруг столько всего навалилось: Лиат, старшая, должна вот-вот родить, один сын в армии, двое – в колледжах, тоже вне дома, а дома еще близнецы и самая младшая. Правда, младшей как раз вчера исполнилось двенадцать, так что и она уже не маленькая, но у меня уже просто нет сил... И мне так больно, что именно сейчас я осталась одна. Мне тяжело, мне больно, все должно было быть совсем не так... – с горечью добавляет она, сокрушенно качая головой.

Мики обращается к Клодин, повернувшись к ней всем корпусом и глядя прямо на нее:

– Возможно, это оттого что приближение родов делает вас еще более ранимой. Так было со мной. Я вам говорю, – она скользит взглядом по кругу, теперь уже обращаясь ко всем, – вы не можете себе представить, как я нервничала. Я думаю, вокруг меня не было ни одного, кто бы не знал, что моя дочь скоро рождает. Все были в курсе, я ни о чем другом просто не говорила, я у них у всех уже вот где была, – смеется она, проводя ребром ладони поперек шеи.

– Да, наверное, в этом все дело, – отвечает ей Клодин сквозь слезы. – Когда я сама была беременна, я тоже нервничала и перед каждой проверкой молилась, чтобы врач сказал, что все в порядке. Но при всем при этом, я очень любила быть беременной. Шесть раз я была в положении, один раз близнецами, и ни разу мне не было тяжело. Наша младшенькая родилась на два месяца раньше срока, и мне было жаль, что у меня забрали эти два месяца.

Она улыбается, но недолго, веселые морщинки возле глаз исчезают, и Клодин задумчиво продолжает:

– Знаете, сейчас, когда я говорю с вами, мне вдруг пришло в голову, что, может, это тоже сидит во мне, я как-то никогда об этом не думала.

Она замолкает на мгновение, остальные с любопытством ждут продолжения.

– Моя младшая дочка Зоар родилась на восьмом месяце. Роды начались страшно тяжело. У меня вдруг пошли схватки, и когда в больнице меня подсоединили к монитору, оказалось, что у меня полное открытие и что ребенок лежит поперек. Ее пробовали повернуть, но безрезультатно, и тут же меня спустили в операционную. Хорошо, что я понятия не имела, что такое кесарево. Муж остался снаружи, ему не разрешили зайти. Дочку вытащили быстро, мне ее показали, но не дали, потому что я была подсоединена ко всяким аппаратам. Счастье, что мой врач специально приехал прямо из дома, он спас мне матку. Операция длилась три часа, я думаю, что я была между жизнью и смертью. Муж говорил, что в тот раз я сама дала жизнь и сама же получила жизнь. С тех пор я очень боялась забеременеть, несмотря на то, что все у меня было в порядке.

Клодин замолкает, слышно только ее громкое тяжелое дыхание.

– И вот на фоне этих воспоминаний приближаются роды вашей дочки, – Нири смотрит на нее с нескрываемым сочувствием.

– Совершенно верно, – Клодин поднимает глаза на Нири. – Я как будто абсолютно об этом забыла! И как же я вам сказала, что все мои роды были легкими?! Это было как вчера, ровно двенадцать лет тому назад, мои последние роды. И это было очень страшно!

– Я так боюсь за Лиат! – вдруг вскрикивает она, прикрывая рот рукой.

– Это вовсе не значит, что у нее будет то же самое, – спешит успокоить ее Това, – подумайте логично. И медицина ушла намного вперед, теперь делают такое количество анализов.

– Слишком много анализов! – раздраженно говорит Рут. – В наше время к этому относились совершенно спокойно, что уж там надо так проверять? Ведь каждая кошка, каждая собака рождает. Проверяют, и проверяют, и проверяют; это только вызывает панику. Я не говорю, что вообще не надо проверять и что не надо читать книги, но ведь нельзя же все время только об этом и думать! Со всем этим балаганом вокруг женщине не дают жить спокойно, самой почувствовать, что для нее подходит, разговаривать с малышом, петь ему. Так я вела себя, когда была беременна. А потом удивляются, почему дети уже рождаются нервными. Ведь на них действует настроение матери, сегодня это подтверждают ученые. Я много работаю с детьми, у меня есть группы йоги для детей, в том числе и гиперактивных. Их просто невозможно успокоить.

– Это правда, – откликается Това, – но с другой стороны, благодаря развитию биологии находят еще и еще данные, которые надо проверить. С одной стороны, я рада, что дочка делает все возможные анализы. Если есть такая возможность, то как же этим не воспользоваться? Но с другой стороны, это прибавляет забот. Я тоже с удивлением заметила, что переживаю за ее беременность больше, чем волновалась за свои. Но, может, это еще связано и с возрастом: когда я была моложе, я ко многому относилась иначе.

Орна снимает очки, протирает их краем рукава и произносит:

– Я иногда думаю о том, как она перенесет боль. Она мне все время твердит: «Мама, я – не ты! Я попрошу эпидуральную анестезию и не буду мучиться». Но когда я это слышу, то вместо того, чтобы успокоиться, я покрываюсь гусиной кожей! Я боюсь этой анестезии! От нее бывают страшные осложнения! Я настолько сопереживаю вместе с ней все, что происходит, что иногда мне хочется поменяться с ней местами, чтобы избавить ее от этого!

– Что вы имеете в виду, когда говорите «сопереживаю»? – спрашивает ее Нири.

Орна опять надевает очки.

– Мужчина не может знать, что такое роды. Ни ее муж, ни ее отец! Но я-то это прошла! Можно читать книги, смотреть фильмы – все это не то! Я помню свои роды до мельчайших подробностей, и я бы рожала вместо нее, если бы только могла!

– Орна готова рожать вместо Яэль, но она, естественно, не может этого сделать, – Нири обводит взглядом сидящих в комнате мам, на миг останавливаясь на каждой из них. – И все остальные, которые рассказывали здесь о своих опасениях и переживаниях, ничем не могут помочь ни себе, ни своим дочкам. Если я правильно поняла, вы чувствуете себя беспомощными по отношению к дочерям.

– Я хочу вам сказать, что быть матерью – это значит всегда, непрерывно волноваться за своих детей, – Мики оставляет без внимания последнее замечание Нири. – Тем более, если ваша дочь ждет ребенка. Я тоже переживала за свою дочку намного больше, чем волновалась за себя, когда была в положении. Ведь я ее мама, и это ответственность совсем другого рода. Когда я сама была беременна первый раз, я вела себя обычно, как будто ничего не изменилось. Ее же я опекала, словно тяжелобольную: «Ты достаточно кушала, спала?» Мики держит у уха невидимый телефон.

– Каждый день я звонила ей, проверяя, что она ела: «Поешь мяса, возьми овощи!» А два раза в неделю я привозила ей еду, чтобы поела домашнего, еще горяченького. За собой я так не следила ни когда была беременна ею, ни второй раз, когда родился ее брат. К примеру, когда

твой ребенок упал и ударился, ты сразу бросаешься к нему, чтобы пожалеть, обнять, а когда упадешь сама, сразу встаешь и продолжаешь идти, как будто ничего не случилось. И я считаю, что все начинается с беременности. Я вам говорю, – она протягивает руку, призывая всех к вниманию, – связь матери с ребенком начинается, когда он еще зародыш. То же самое я говорю и своей дочке. Как только женщина чувствует шевеление плода, она начинает волноваться за него и не прекращает уже никогда. Я все время говорила ей: «Вот ты увидишь: как только почувствуешь, что он двигается, сразу ощутишь себя мамой».

Анна открывает рот, но Мики делает ей знак, чтобы подождала, и продолжает:

– Когда она была маленькой, я помню, как наблюдала за движением ее руки или ноги, и просто чувствовала, что они знакомы мне изнутри. Я помнила это ощущение, когда она была меня изнутри. Иногда я по-прежнему чувствую, что она все еще у меня в животе.

Она улыбается, но голос ее дрожит:

– А когда она родилась... Я никогда не забуду этого момента, какое это было счастье, – и добавляет, все еще сияя улыбкой, – и какое облегчение!

Матери одобрительно кивают, а Мики, вдруг посерьезнев, повышает голос:

– Но при этом я считаю, что роды являются травмой как для матери, так и для ребенка и что это еще больше сближает их. Я никогда не забуду этот миг, когда ее вытащили. Как я смотрела на нее; она кричала, а я мысленно говорила ей: «Ну, привет! Я твоя мама, я дала тебе жизнь! Это я кормила тебя овощами и мороженым целых девять месяцев! И это я пела тебе песни».

Мики опять смеется.

– Но если серьезно, из-за того, что я вынашивала ее внутри себя, кормила ее всем тем, что ела сама; из-за того, что она дышала воздухом, который давала ей я, и, в конце концов, пришла в этот мир из меня, где бы она ни была, мы связаны навсегда: я всегда буду волноваться за нее и оберегать ее. И то же самое происходит с ней с тех пор, как у нее появился ребенок, – Мики обращается к Нири. – Он для нее теперь важнее всего: она будет умирать от усталости, но сделает все, что необходимо, и только после этого пойдет спать.

Мики наклоняется к сумке и вынимает оттуда пачку сигарет, но, вспомнив, что курить в комнате запрещено, тут же кладет ее назад. Анна спешит воспользоваться паузой и сразу берет слово:

– По-моему, это абсолютно естественно, когда мать заботится о детях всю свою жизнь. Я тоже думаю о Нааме и о том, что ей скоро рожать, но не с точки зрения, какая она бедненькая и как бы ей помочь. Я как раз очень рада за нее, потому что считаю, что роды – это первая вершина, которую ты покоряешь как мать. После этого испытания ты превращаешься из девочки в женщину. Это потрясающее событие, которое доступно только женщинам, и мне жаль тех, кто этого не пережил. Я рожала четыре раза и каждый раз чувствовала, будто я касаюсь бога, будто я сама богиня!

Анна вытягивает руки в стороны, изображая то ли распятое, то ли парящую птицу.

– Честно говоря, я ей даже завидую, – улыбается она.

– Вот уж чего не могу себе представить, так это, как можно думать о предстоящих родах и при этом завидовать! – Това аж привстала от недоумения.

– Для меня лично роды – это жуткие страдания, и когда я представляю, что ей предстоит перенести, мне становится страшно. Я согласна с Мики, что легче перенести свою боль, чем когда болит у твоего ребенка. В первые месяцы после рождения у нее часто болел животик, и я начинала плакать вместе с ней, глядя как она сучит ножками от боли. При этом я сама себя уговаривала, что, возможно, она страдает намного меньше, чем мне кажется. Вот и теперь, когда я представляю себе муки, которые Ширли должна будет пройти, мне становится тяжело дышать, но на этот раз я точно знаю, что это действительно страшно больно. Невыносимо больно! И если честно, мне нечем ей помочь, – с отчаяньем в голосе добавляет она.

– Когда Яэль была маленькой и боялась темноты, я брала ее к себе в кровать и прижимала к себе, – опять вступает в беседу Орна. – Но на этот раз, если, не дай бог, возникнут какие-то осложнения во время родов, я не смогу ей помочь! Она машинально снимает очки и так же, как несколько минут тому назад, нервно протирает их краешком рукава.

– Вам надо было видеть, как я себя вела, когда она была в родильном отделении! – громко обращается ко всем Мики. Затем ее взгляд останавливается на Элле.

– Вы запомнили, кто из нас уже бабушка, а кто – нет? Интересно, помню ли я... Рут, Маргалит... Я кого-то забыла?

Элла поворачивается в ее сторону, высвобождая одну руку из-под шали:

– И я тоже бабушка.

Рут, не поднимаясь со стула, отвечает поклон в ее сторону.

– Мы здесь в меньшинстве, но это временно, – смеется она. Элла отвечает ей легким наклоном головы. Замечание Рут она принимает как знак того, что принята в группу наравне со всеми.

– Да, – прерывает их Мики, – вам надо было видеть меня в больнице. Я рычала на всех, кто только находился возле меня. Я не могла совладать с собой. Меня раздирала ее боль, а она – ей было больно, да – но она не кричала, она держала себя в руках.

Мики остается сидеть на стуле, но напряженно наклоняется вперед.

– Она страшно мучилась до того, как ей сделали эпидуральную анестезию, всего за пять часов до того как она родила. Значит, тринадцать часов до этого она страдала и умоляла: «Мамочка, помоги!» Счастье, что моя подруга была с нею там внутри, а не я. Потому что нечего делать, нечем помочь! Но даже если бы и было чем, я бы не смогла: я бы стояла возле нее и плакала. Я и так сидела по ту сторону дверей и рыдала так, что сестры подходили ко мне, пытаясь успокоить. Мне было так тяжело! Я почти не заходила к ней, потому что знала, что не смогу справиться с собой и начну опять плакать. И она начнет, глядя на меня. Я просто не могла вынести ее страданий, и моя беспомощность меня убивала!

– Мики в больнице, и ее дочь умоляет о помощи, – заключает Нири. – Это картина, которая, возможно, пугает вас больше всего: дочь нуждается в вашей помощи, а мать – не только не в состоянии ей помочь, но и сама расклеивается.

Мики, привстав от возбуждения, вступает, не дожидаясь паузы:

– Только подумайте, что каждый из нас независимо от возраста кричит в момент испуга, какое первое слово вырывается у нас произвольно? Мамочка!

– Правильно, – громко произносит Това. – Так какая же я мать, если моя дочь будет просить о помощи, а я – и я в этом совершенно уверена – буду хотеть только одного: как можно скорее сбежать оттуда? Я просто обязана преодолеть страх и быть там ради нее. Я даже боюсь представить этот день; откуда у меня появятся силы стоять там и слушать, как она стонет?! У меня есть подруга, которая была на родах ее дочки прямо там, внутри. Я прихожу в ужас только от одной мысли, что она была рядом с ней все эти часы.

– Ну так вам совсем не обязательно быть там, – говорит ей Рут и вынимает из сумки небольшую бутылочку минеральной воды.

Маргалит, которая все это время сидит и молча слушает, произносит еле слышно, не отрывая взгляда от пола перед собой:

– Я была со своей дочкой во время родов.

Все мгновенно оборачиваются в ее сторону.

– Да, я была с Михаль, когда она рожала, – продолжает она, обращаясь ко всем сразу. – Это потрясает! Я была с ней в родильной палате, мы болтали и смеялись, и акушерка была просто отличная. Я вам очень советую, если, конечно, они разрешают. И эпидуральная – это просто благодать! А когда я увидела головку ребенка, я чуть не сошла с ума! Сначала я не

поняла... Когда ты сама рожашь, это иначе: ты часть этого. А тут, когда ты видишь роды, это совсем другое состояние. Вот она тужится, и у тебя на глазах появляется ребенок!

Маргалит даже покраснелась от возбуждения.

– Нам очень повезло с акушеркой: она позвала меня держать голову новорожденного, я сама... вытащила его, и я сама положила его дочке на живот! Это было, – она смеется, – я не могу вам описать... Я еще ухитрилась второй рукой держать видеокамеру. Держала его и снимала! Невероятно, но – факт!

– Вот уж точно, невероятно! – соглашается Това. – Вне всякого сомнения, это незабываемое событие, но все эти долгие часы, пока, наконец, ребенок выходит... Видеть это все вблизи? Мне такое даже в голову не приходит! Я не думаю, что могла бы видеть все эти страдания. Это же ужасные страдания! Нет, не думаю, что я в состоянии это видеть. А еще хуже то, что мой страх передался бы и ей.

– Я тоже не представляла себе такого, – объясняет Маргалит. – Но у мужа Михаль поднялась высокая температура. Мы отправили его ко мне спать, и я пообещала ему, что если что-то изменится, я его сразу вызову. В душе я была рада, что так получилось и что у меня есть возможность побыть с дочкой. До вечера ничего не продвинулось. Ее муж вернулся, и я могла уйти, но Михаль попросила меня остаться. Мы решили, что мой муж и вторая дочка уедут, а я останусь. Через короткое время после этого ей сделали стимуляцию, и все начало развиваться с дикой скоростью. Я опять спросила, хочет ли она, чтобы я осталась. Мне было важно, чтобы это было ее желание; я ни в коем случае не хотела навязываться. Она ответила: «Оставайся, ты мне помогаешь». Я осталась. И не забуду этого никогда!

– Я каждый раз говорю моему зятю: «Смотри, я тебя предупреждаю, – говорит Клодин. – Как только появятся самые что ни на есть маленькие признаки, ты меня сразу вызываешь! Пусть это будет в два часа ночи, неважно, даже в субботу». Я, правда, надеюсь, что Господь Бог этого не сделает – с тех пор, как умер муж, я соблюдаю субботу.

– Так вы тоже хотите присутствовать на родах? – спрашивает Това.

– Что значит, хочу присутствовать?! Хочу – это не то слово! И я тоже, несмотря на то, что рожала не один раз в своей жизни, я тоже, как точно подметила Маргалит, ничего об этом не знаю. Потому что, когда ты рожашь, ты вся погружена в свою боль, в то, что происходит с тобой; ты абсолютно не в курсе того, что делается вокруг тебя. Мой муж был рядом со мной, вот он-то видел все. Поэтому, когда я думаю о том, что ей предстоит, все, что я чувствую, – это страх, и я хочу быть возле нее, поддержать ее, насколько смогу. Я только надеюсь, что мне позволят, что не оставят меня сходить с ума по ту сторону дверей!

– Может, это вас удивит, – добавляет Това, – но я тоже, несмотря на мой страх перед родами, надеюсь быть рядом с ней в больнице. То есть, что у меня будет достаточно сил, чтобы остаться, а она, в свою очередь, не будет так сильно страдать, что я не выдержу и убегу. С другой стороны, я не могу себе представить, что смогу сидеть за дверями, зная, что она мучается там, внутри. Так, может, самое правильное – вообще остаться дома. Снаружи, внутри – и так, и так тяжело!

– Так что же вы будете делать? – интересуется Клодин.

– Не знаю. В зависимости от того, где меня это застанет. Мне кажется, лучше всего быть дома. Сидеть и ничего не делать. Мне даже не мешает быть одной. Если я буду одна, то, верно, буду сидеть возле телефона. Возможно, я буду с друзьями. Да. Это не значит, что я не хочу быть там, я имею в виду за дверями, не внутри. Я была бы рада быть в больнице, но она этого не хочет. Она не разрешает. Она мне сказала: «Мы договорились, что я сообщу тебе, когда буду по дороге в больницу, а потом Хагай позвонит тебе, как только я рожу». Мне кажется, это он, отец ребенка, не хочет, чтобы я была с ними. Она как раз хотела бы. Он как-то мне сказал: «Вы будете дергать меня каждую минуту: я ведь буду внутри. И я буду чувствовать себя обязанным выходить, чтобы держать вас в курсе того, что происходит, и это будет меня раздражать. А я не

хочу нервничать из-за вас». Я всегда нахожусь в напряжении, и это, по-видимому, действует на окружающих. А они нуждаются в спокойствии. Я не знаю, как это объяснить, но даже когда мне кажется, что я спокойна, люди вокруг меня нервничают, и не только мои дети, но и другие. Вот они и не хотят, чтобы я была с ними. Логично, не так ли? Я это понимаю. Как я могу сказать – нет. А если и скажу, то – что?

– Но вы бы предпочли быть там? – полуспрашивает, полуутверждает Рут.

– Да, – вздыхает Това. – Я бы хотела быть рядом. Я не вижу себя сидящей и держащей ее за руку. Я не думаю, что буду в состоянии, хотя, если бы она просила, я бы это сделала. Я уверена, что в конце концов пересилила бы себя. Я не такая уж слабая. Я боюсь, но мне в равной степени важно перебороть страх. Одно несомненно: я уже не дожусь того, чтобы все это было позади. На каждый телефонный звонок я бегу в надежде, что, возможно...

Мики, не дожидаясь, когда Това закончит, хватает Нири за руку:

– Послушайте! Когда она позвонила, сказать мне, что едет в больницу, первое, что я закричала, было: «Что случилось?!» – А она отвечает: «Ничего, я просто еду рожать!»

Мики так заразительно смеется, что и остальные сначала неуверенно, а затем с большим облегчением присоединяются к ней.

– Я вам клянусь, я совсем забыла, что она уже вот-вот должна родить, – возбужденно продолжает Мики. – Как-то она меня спросила, хочу ли я, чтобы мне позвонили уже после родов или все-таки до того. Первая моя мысль была, как было бы хорошо, если бы меня избавили от переживаний и сообщили бы, что она уже родила, но тут же я подумала: как же я могу пропустить роды моей дочки. Сегодня я точно знаю, что этим лишила бы себя многого. То, что я была там, видела все, что происходило минуту за минутой, и слышала из-за двери первый крик ребенка, очень укрепило связь между нами. И знаете, что я еще сделала? Пока моя подруга была там внутри вместе с дочкой, я не могла найти себе места от напряжения и чувства своего бессилия. Дошло до того, что мне стало тяжело дышать... Я побежала в магазин рядом с больницей и купила ей подарок, что-то от меня, что бы было бы рядом с ней, такую маленькую матерчатую куколку. Потом она мне рассказала, что каждый раз, когда схватка казалась особенно сильной, она сжимала эту куклу изо всех сил. Я же все эти долгие часы родов думала только о ней и, когда вошла в комнату и увидела у нее на руках ребенка, в первый миг даже опешила: что это? Откуда это у нее?

В комнате опять раздается смех. Нири обращается к Мики:

– Вы говорили о том, что роды – это травма как для матери, так и для ребенка, следствием которой является особенная связь между ними. После того, как вы описали роды вашей дочери, я думаю, что это еще один очень значительный этап в ваших взаимоотношениях; и не важно, находится ли мать непосредственно рядом с дочкой или за дверью родильной палаты, это событие, пренебрегать которым не стоит.

Она делает короткую паузу и продолжает:

– Плюс к этому, мне кажется, что сознание того, что ваша дочь у вас на глазах вступает в новый, незнакомый ей мир материнства, является потрясением и для вас.

– Я часто думаю о том, что, родив сына, она родит мне внука, – звенящим от волнения голосом вступает Клодин. – В тот момент, когда она становится матерью, я становлюсь бабушкой. И вы не представляете, как я этого жду!

На смену Клодин приходит Рут:

– Мне кажется, меня не так взволновало то, что я вдруг превратилась в бабушку, как то, что Талья стала матерью и что она держит на руках своего сына, что у моей дочки есть ребенок!

– А я все еще не могу привыкнуть к мысли, что Михаль уже родила, и это притом, что я не только видела, но и участвовала во всем, – вдруг посерьезнев, замечает Маргалит.

– Послушайте, – произносит Мики громким, полным драматизма голосом, – у меня было два кесаревых сечения, поэтому я никогда не видела, что у новорожденных синюшный цвет

кожи. Когда его вынесли к нам, я зашептала своей подруге: «Он синий, он синий!». А она мне в ответ: «Он не синий, он нормальный». А я как сумасшедшая начинаю кричать: «Вы что, не видите, что он синий, вы что, ослепли?!» Тогда она, моя подруга, хватается за меня, смотрит мне прямо в глаза...

Мики наклоняется к Анне, сидящей рядом с ней, смотрит ей в глаза и произносит тихим, уверенным голосом:

– Что ты кричишь, у тебя тут маленький ребенок!

Мики выпрямляется и произносит, обращаясь к группе:

– В ту же секунду я успокоилась. У меня тут маленький ребенок. Мне нельзя кричать.

Это был потрясающий момент, который я запомню надолго.

Сквозь общий смех пробивается голос Рут:

– Я не поняла, про чьи роды вы сейчас рассказывали: про ваши или роды вашей дочки?

– Моей дочки, естественно, – отвечает Мики, – когда моя дочка родила моего внука.

– А-а... А то я не поняла, – тянет Рут. Мики смотрит на нее и приподнимается, будто желая выйти, но переводит взгляд на часы и остается на месте.

– С прибавлением! – иронически усмехается Това, глядя на Мики. – Если вам не хватало забот, то теперь вам точно есть о ком беспокоиться.

Она обводит взглядом сидящих в комнате женщин:

– Скажите, как можно еще раз перенести этот непрерывный страх, в котором ты находишься, пока твой ребенок, наконец, вырастет, особенно в наше время? Ты не знаешь, куда он зашел, на какой автобус он сел, кто преподает ему в школе и что с ним происходит в течение дня. Пока ты мать и ты сама часть этого, ты не особенно раздумываешь по каждому поводу: ты просто делаешь то, что необходимо, иногда почти автоматически, да у тебя и нет времени на долгие размышления. Но сейчас, когда я смотрю на все это со стороны, я не понимаю, как у меня хватало смелости позволить им выходить одним из дома, ехать самостоятельно в автобусе. Я вообще не понимаю, как у меня хватило смелости родить! Знаете, что я думаю? – она повышает голос, чтобы пересилить дрожь, которая предательски выдает ее волнение. – Я пришла к выводу, что в период беременности у нас вырабатывается иммунитет против страха. Это своего рода защита от страха, которую дает нам природа, иначе никто бы не согласился ни рожать, ни растить детей. В настоящее время у меня такое чувство, что период действия моего иммунитета уже закончился, линия защиты прорвана. Я точно знаю, что предстоит моей дочке, и поэтому боюсь больше, чем боится она сама.

Това задумывается ненадолго и затем продолжает:

– И еще кое-что не дает мне покоя в последнее время. Я познакомилась с моим мужем в Вене, когда училась на медицинском факультете. Мне кажется, что выключили кондиционер, – она привстает со своего места, чтобы лучше разглядеть, работает он или нет, и, убедившись, что работает, продолжает. – И я уговорила его переехать со мной в Израиль после окончания учебы. Не могу объяснить толком, почему, но я чувствовала, что не хочу жить и растить своих детей в другой стране. Кроме того, мои родители были здесь, и я чувствовала себя виноватой за то, что оставила их одних. Еще до моего рождения у меня была сестра, которая умерла от воспаления легких. Это было страшное горе, о котором никогда не говорили, но которым дышало все в нашем доме. Так это у выходцев из Германии: они ни о чем не говорят. В любом случае у меня была возможность жить в Европе и растить детей там, но я сказала – нет! Мой муж очень хотел там остаться, а я настаивала – нет, нет, и нет... По-видимому, мне было неудобно оставить здесь родителей. Так что мои дети родились здесь, я вынудила их жить в этой опасной и нелегкой стране. А ведь они могли жить в любом другом месте! Я не знаю, было бы это лучше или хуже, не знаю. Но видеть моих внуков растущими здесь, в обстановке террора и всего, что тут происходит! Они могли расти в любом другом месте, так почему надо страдать именно здесь?! И все это практически из-за меня: это был мой выбор.

– Значит, в вашем паровом котле варится еще и чувство вины. Появилось еще одно поколение, которое, возможно, должно будет заплатить за принятые вами решения, – обращается к ней Нири.

– Я не уверена, это к лучшему или к худшему: что, за границей не погибают? По логике, это то же самое, это все дело случая. Но столько лет жить в непрерывном напряжении! Это вовсе не значит, что что-то случится, в девяносто девяти процентах ничего не случается. Но ты волнуешься изо дня в день. Начиная новый день, ты никогда не знаешь, чем этот день закончится. Даже если ты не едешь в автобусе, то ты находишься рядом с автобусом, и ты никогда не знаешь, что может случиться... – заканчивает Това еле слышно.

Матери молчат, задумавшись под впечатлением сказанного, но тут по-прежнему непредсказуемая Клодин резко меняет тему:

– Кто-нибудь из вас видела УЗИ внука? Не думаю, что кто-то при этом может остаться равнодушным.

Нири просит ее рассказать об этом поподробнее.

– Это было здорово! Представляете, я видела его ручки! У меня было желание залезть вовнутрь... – смеется она. – Я говорю: «Ой, я сейчас помру!» А моя дочь мне отвечает: «Ты что, он же еще даже не родился!»...

Клодин от волнения размахивает руками; браслеты звенят, глаза блестят.

– Я просто не могла успокоиться: это такое чудо, ну прямо чудо! Все дети столпились возле телевизора – она принесла кассету ко мне домой – и кричали, а вот ножки, а вот... Мы уже представляем его таким кругленьким, чем-то похожим на нее, чем-то – на него... Нет, это просто потрясающе!

– А знаете, от чего я имею самое большое удовольствие? – спрашивает Рут, широко улыбаясь. – Когда я прижимаю малыша к себе, я чувствую...

Она закрывает глаза.

– У меня возникает желание его кормить. Да-да, прижать к груди, и чтобы он сосал! Когда я вижу, как моя дочка его кормит, я тут же вспоминаю, как это было у меня, это ведь незабываемое ощущение. То же самое я чувствовала, когда Талья была беременна. Я клала руку ей на живот и ощущала движения, как будто это происходило во мне. Это было абсолютно физическое ощущение беременности.

Она кладет одну руку себе на живот, а вторую прижимает к сердцу.

Анна не сводит с нее глаз:

– Вне всякого сомнения, что как только ты видишь УЗИ и чувствуешь движения ребенка, ты начинаешь осознавать, свыкаться с мыслью о нем, вживаться в новую роль.

– Я думаю, что даже обычные разговоры о беременности и о будущем внуке уже являются подготовкой к тем переменам, которые должны произойти у вас в семье в ближайшее время, – говорит Нири. – Большую часть нашей встречи сегодня вы говорили о страхе. Судя по тому, с какой готовностью вы подхватили эту тему, как взволнованно, иногда до слез, обсуждали поднятые здесь вопросы, чувство тревоги не оставляет вас; и я искренне надеюсь, что вам стало, пусть не намного, но легче. Возможно, благодаря тем из вас, которые говорят о родах уже в прошедшем времени и порой даже с улыбкой вспоминают свои переживания.

– Правильно. Когда Талья была в положении, я даже сама себе не позволяла признаться, насколько я боюсь. Сейчас, когда все уже позади, я говорю об этом совершенно открыто, – соглашается Рут.

Нири согласно кивает головой и добавляет:

– Мне кажется, есть еще одна причина того, что вы именно сегодня заговорили о своих опасениях: возможно, с той же неуверенностью и настороженностью вы относитесь и к нашей группе.

Она ловит на себе недоумевающие взгляды и поясняет:

– На прошлой неделе вы говорили, что пришли сюда, чтобы избежать одиночества, чтобы оказаться среди тех, кто готов вас выслушать, в надежде получить поддержку от других женщин, которые понимают, что с вами происходит. Возможно, сегодня вы задаетесь вопросом, а что вы сможете предоставить взамен. Когда вы думаете о том, каковой будет (или была) ваша роль во время родов, вы спрашиваете себя и о том, в чем же ваша функция здесь, что вы сможете дать и какую пользу извлечь из этих встреч. И это, естественно, вызывает у вас неуверенность или, скажем, настороженность по отношению к группе.

Женщины стараются не глядеть друг на друга: кто-то сосредоточенно разглядывает пол, кто-то пытается рассмотреть что-то за окном. Орна нервно перебирает содержимое бездонной сумки. Только Элла не сводит глаз с Нири, с благодарностью думая, что последние слова, обращенные ко всей группе, на самом деле были адресованы ей. Нири, со свойственным ей тактом, не выдала, хотя точно угадала, что кроется за пойманным ею растерянным взглядом Эллы. «Что я здесь делаю? – безмолвно спрашивала она. – Какое отношение имеют их слова ко мне? Что они могут мне дать? И что могу предложить им я? Я не подхожу к этой группе», – с грустью заключает она свой мысленный диалог и опускает глаза.

Пауза явно затягивается.

– Я пытаюсь понять, что кроется за вашим молчанием, – нарушает тишину Нири, – и я думаю, что оно скрывает многое, чего мы так и не коснулись сегодня в группе: тревожные мысли, которые не оставляют вас, проблемы, которые, возможно, кажутся вам неразрешимыми. Когда вы говорили о своих переживаниях, то все единогласно указали на дочерей и внуков – вот он, объект и источник наших тревог. У меня же возникло предположение, что где-то в глубине, возможно, отодвинутые на второй план предстоящими или только что происшедшими в вашей жизни переменами, вас тревожат другие проблемы, не связанные напрямую с вашими дочерьми или новорожденными, а касающиеся непосредственно вас самих. Быть может, если нам удастся высветить этот, так тщательно затемненный второй план, мы обнаружим там совсем другие мысли и заботы.

Женщины молчат, вероятно, обдумывая услышанное. Элла внезапно выпрямляется, как будто последнее замечание Нири наполнило ее энергией.

Первой не выдерживает Орна:

– Мы действительно не вполне представляем, что нас ждет в ближайшем будущем! Но сегодня, как и все последнее время, я все-таки думаю больше о Яэль – ведь это она беременна, а не я! И ей совсем нелегко, так что я стараюсь помочь ей, чем только могу. И если честно, в настоящее время, до тех пор, пока у меня родится внучка, я не могу думать ни о чем другом. Я действительно не представляю, как это будет! И что на самом деле означает быть бабушкой.

– Вы совершенно правы! – подхватывает Мики. – Я хочу вам сказать, что только став бабушкой, можно понять, что это такое! Я, к примеру, просто ненормальная! Что же касается страха, я скажу вам то, что говорила своей дочке каждый раз, когда она впадала в панику. Я говорила ей: «Не надо волноваться. У тебя еще есть два-три спокойных месяца. Так что незачем переживать раньше времени. Через два-три месяца ты будешь знать, все ли у него в порядке. А пока что пожалей себя!»

Мики замолкает на миг, ее лицо становится серьезным, и она продолжает, но теперь уже медленно, обдумывая каждое слово:

– Вот что мне приходит в голову: и сейчас, уже после родов, дочка по-прежнему занимает все мои мысли, я все время стараюсь ей чем-либо помочь. Но, вспоминая сами роды, я заставляю себя смотреть правде в глаза – как мать я этого экзамена не выдержала. Может, Нири, вы это имели в виду, говоря о непосредственно наших личных проблемах?

Она вновь замолкает и, глубоко вздохнув, будто пересилив себя, говорит незнакомым для окружающих тихим голосом:

– Действительно, есть что-то, что не дает мне покоя. Я ведь вам рассказывала, что мне было ужасно тяжело во время родов. Я чувствовала, что еще немного, и я этого не выдержу, что силы буквально оставляют меня... И все это на глазах у дочки, в то время как она всю жизнь была уверена, что ее мама – супергерой, эдакая супермама! И вот впервые в жизни она увидела меня практически беспомощной и абсолютно бесполезной.

Последние слова Мики произносит еле слышно, не поднимая глаз. Рут, слушавшая ее, подавшись вперед от напряжения, переводит взгляд на Анну.

– Вы чувствовали, что вот оно, настоящее испытание вашего материнства, а вы, возможно, впервые не в состоянии помочь нуждающейся в вас дочери, – тихо произносит Нири, и Мики кивает ей в ответ. По-прежнему не отрывая взгляда от пола, она пытается вытащить лежащую под стулом сумку.

На лицах женщин заметна усталость. В беседу вступает Клодин:

– Я сегодня говорила очень много; в других местах я обычно молчу – мне тяжело говорить о своих переживаниях или о вещах, которые меня пугают. Если честно, я никогда раньше не говорила об этом. Я дико боюсь! Каждый раз, когда я думаю об этом, я говорю, что удавлюсь, если, не дай бог... Я так жду этого дня, что боюсь сглазить и заставляю себя не думать о нем. И каждый раз сплевываю три раза, чтобы, не дай бог, ничего не случилось. Я лично страшно волнуюсь!

И вновь в группе тишина; все сидят, опустив глаза, не в состоянии взглянуть друг на друга.

Нири обводит всех взглядом, а затем произносит:

– То, что пугает, это не столько беспомощность по отношению к нуждающейся в вас дочке, о которой говорила Мики, сколько возможность, что что-то случится, и никто не сможет помочь не только ей, Клодин, – теперь Нири смотрит только на нее, – но и вам. Когда вы думаете об этом, вы знаете наверняка, что вам этого не вынести и что вы не сможете жить дальше. Это страшные мысли!

Клодин молча опускает голову. Рут смотрит на Клодин и небрежно бросает:

– В любом случае ее жизнь изменится! И не только, если, не дай бог, что-то случится.

Затем, она обращается к Нири:

– Я вспоминаю, что я чувствовала, когда Талья уже доживала последние недели; чувство, похожее на то, с которым я ходила незадолго до того, как она родилась, что жизнь уже никогда не будет такой, какой она была до этого. Есть такая точка, когда – все: назад дороги нет. Так я себя чувствовала и в этот раз. Должно произойти что-то, чего изменить нельзя. Я много думала о том, как все устроится, какие будут между нами отношения. До сегодняшнего дня я все еще привыкаю к новым обстоятельствам. Что касается меня, то мне это прибавило уверенности в себе; я знаю, что мне еще есть, куда стремиться, чему учиться. Что еще есть потрясающие вещи, которые мне до этого были неизвестны, например, быть с внуком, петть ему, касаться его, да и просто смотреть на него! Что-то, что в принципе не ново, но я для себя открываю это впервые; мое место в жизни теперь изменилось. Как это повлияет на меня? Как это повлияет на нас, на меня и на мужа? Мне это добавляет энергии, добавляет интереса к жизни, – заключает она и опять привычно ищет глазами Анну.

– Как обычно, так и сейчас, – вздыхает Това, – я не в состоянии радоваться всему тому счастью, которое ждет меня впереди. Я полна забот, и мне абсолютно ясно, что они не прекратятся с наступлением родов. Я всегда найду из-за чего беспокоиться. Уже сейчас, еще не став бабушкой, я иногда думаю о том, а что будет, если мой внук меня обидит? Я очень ранимая, меня очень легко обидеть. Я знаю, что на детей не надо обижаться, что это неправильно, но я – да – обижаюсь. А внуки могут обидеть, особенно современные дети. И все почему? Потому что есть ситуации, на которые я реагирую как маленький ребенок. Так что, мы поменяемся ролями? Это то, что, по словам моей дочки, я сделала с ней – превратила ее в мою маму.

Анна задумчиво смотрит на Рут и произносит:

– А я не умею думать впрок, что будет и как будет, – Рут меня знает. Я просто радуюсь, глядя как Наама теперь выглядит, такая женственная, с большой грудью, полными губами... Она всегда старалась скрыть свою женственность, а сейчас ей просто некуда деться: она прет из нее наружу во всей своей красе! – голос ее звенит от еле сдерживаемого смеха. – Я по-настоящему кайфую, смотря на нее, такую кругленькую!

Для пущей наглядности она складывает руки полукругом перед собой. Затем, посерьезнев, опускает руки на колени и продолжает:

– Что же касается меня, я не стараюсь предугадать то, что будет; я занята своей жизнью, кстати, очень насыщенной, и терпеливо жду. Вы меня не увидите сидящей и нервно грызущей ногти в ожидании родов. Я живу с чувством, что вот-вот произойдет что-то замечательное. Кстати, что это за шум? – она прислушивается к смеху, который раздается во дворе за окном. Това, которой до замечания Анны ничего не мешало, теперь всматривается в темное пространство за окном и прислушивается. Только после того, как голоса стихают, она вновь вступает в беседу:

– Возможно, я несколько преувеличила. У страха, знаете ли, глаза велики. Я терпеть не могу перемен, но жизнь есть жизнь, и я с ними смирилась. Умом я понимаю, что периодически наступают изменения, в том числе и спады. И что эти спады нас закаляют. Поэтому я говорю себе, что беременность Ширли – это положительный жизненный процесс, абсолютно естественный, развивающийся в строгой последовательности, без скачков и неожиданностей, что меня и успокаивает. Только бы уже поскорее все закончилось и, конечно же, без осложнений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.